

ФРЕД
ВАРГАС

MASTER**DETECTIVE**

FRED VARGAS

TEMPS GLACIAIRES

MASTERDETECTIVE

ФРЕД ВАРГАС

ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Перевод с французского
Марии Зониной

издательство АСТ

Москва

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4ФРА)-44

В18

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Варгас, Фред

В18 Холодное время : роман / ФРЕД ВАРГАС ; пер. с франц. М. ЗОНИНОЙ. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 512 с. (Master Detective)

ISBN 978-5-17-095148-2

Детективные романы про неподражаемого комиссара Адамберга принесли французской писательнице Фред Варгас мировую известность. Первая книга с его участием “Человек, рисующий синие круги” вышла четверть века назад, и с тех пор этот вечно витающий в облаках гений соперничает в популярности с Шерлоком Холмсом и Эркюлем Пуаро.

“Холодное время”, долгожданный новый роман Варгас, ставит Адамберга перед странной загадкой: мужчина и женщина за много километров друг от друга покончили с собой, оставив вместо прощальной записки один и тот же таинственный рисунок. Расшифровать его не под силу даже известному эрудиту майору Данглару. Следы теряются в ледяных пространствах и далеких страшных временах. Адамбергу ничего не остается, как пуститься в погоню за призраками.

Книги Фред Варгас, отмеченные престижнейшими наградами, читают на тридцати двух языках. По ним снимают фильмы, выпускают комиксы, теле- и радиосериалы. “Холодное время” удостоено французской премии Ландерно.

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4ФРА)-44

ISBN 978-5-17-095148-2

© Fred Vargas et Editions Flammarion, Paris, 2015

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2017

© Louise Oligny, фотография на обложке

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Глава 1

Ей осталось всего двадцать метров, каких-то несчастных двадцать метров до почтового ящика, но пройти их оказалось труднее, чем она ожидала. Ну вот еще, сказала она себе, не бывает ни несчастных метров, ни счастливых. Метры они и есть метры. Смешно, что даже на пороге смерти, так сказать на полпути к вершине, упорно думаешь о какой-то белиберде, хотя, казалось бы, самое время изречь исключительно важную сентенцию, которая навеки войдет в анналы мудрости человеческой. И сентенцию эту будут потом передавать из уст в уста: “А знаете ли вы, каковы были последние слова Алисы Готье?”

Может, ни о чем эпохальном она и не могла поведать миру, но тем не менее ей надо было передать важнейшее сообщение, и вот оно-то точно войдет в анналы гнусности человеческой, гораздо более обширные, чем анналы мудрости. Она взглянула на письмо, дрожавшее в ее руке.

Ну, еще каких-нибудь несчастных шестнадцать метров. С порога дома за ней наблюдала Нюэми, готовая

вмешаться при первом же ее неверном шаге. Ноэми чего только не испробовала, чтобы отговорить свою пациентку от самостоятельного путешествия по улице, но ей пришлось уступить царственной воле Алисы Готье.

— Вы что, хотите адрес подглядеть у меня из-за плеча?

Ноэми оскорбилась, она не из таких.

— Все мы из таких, Ноэми. Один мой приятель — старый проходимец, замечу в скобках — всегда говорил мне: “Хочешь сохранить секрет, храни его”. Я свой секрет хранила долго, но с ним мне будет тяжело взобраться на небо. Впрочем, у меня и так нет никакой гарантии. Не пугайтесь под ногами, Ноэми, дайте пройти.

Пошевеливайся, Алиса, а то Ноэми прибежит. Она оперлась на свои ходунки и продвинулась еще на девять метров, ну, на восемь счастливых метров уж точно. Надо теперь миновать аптеку, потом чистку, потом банк, и она у цели — у желтого почтового ящика. Но стоило ей улыбнуться в предвкушении близкой победы, как вдруг у нее помутилось в глазах, и, разжав руки, она рухнула возле женщины в красном, которая, вскрикнув, подхватила ее. Содержимое сумки рассыпалось по земле, письмо выскользнуло из рук.

Выбежала и засуетилась аптекарша, задавая вопросы и ощупывая ее, а женщина в красном, собрав в сумку все вывалившиеся предметы, положила ее рядом с пострадавшей. Вот она и доиграла свою скромную роль, “скорая” уже в пути, больше ей тут делать нечего; она поднялась и отошла в сторону. Она бы и рада как-то помочь, задержаться чуть дольше на месте происше-

ствия и уж по крайней мере назвать свою фамилию спасателям, как раз прибывшим в большом количестве, но не тут-то было, всем заправляла аптекарша вместе с заполошной теткой, которая представилась сиделкой: она то кричала, то всхлипывала, ах, мадам Гютье наотрез отказалась, чтобы она ее сопровождала, а живет она в двух шагах, в доме 33-бис, и вообще она ни в чем не виновата. Пожилую даму уложили на носилки. Ладно, девочка моя, тебя это уже не касается.

Еще как касается, подумала она, уходя, ведь она буквально протянула ей руку помощи. Подхватила и уберегла от удара головой об асфальт. Может, она ей жизнь спасла, кто осмелится утверждать обратное?

В первых числах апреля в Париже потеплело, но все равно холод собачий. Собачий холод. Почему собачий, а не какой-то другой? Собаки как-то по-особому мерзнут? Мари-Франс нахмурилась, ее раздражали такого рода пустяковые вопросы, роившиеся в голове словно назойливая мошкара. И это в такую минуту, когда она только что спасла жизнь человеку! А когда не собачий, то какой? Она одернула красное пальто и сунула руки в карманы. В правом ключи, кошелек, а слева какая-то плотная бумажка, хотя она туда ничего не клала. Левый карман предназначался для проездного и сорока восьми центов на хлеб. Она остановилась под деревом, чтобы все спокойно обдумать. Бумажка оказалась письмом той несчастной дамы. *Семь раз отмерь свою мысль, один раз отрежь*, вечно твердил ей отец, только за всю жизнь он так ни разу ничего и не отрезал. Да и отмерить ему наверняка удалось

раза четыре, не больше. Конверт был надписан дрожащей рукой, а на обороте значились имя и фамилия отправительницы — Алиса Готье, — выведенные крупными пляшущими буквами. Да, это ее письмо. Опасаясь, что поднимется ветер, Мари-Франс быстро подобрала документы, бумажник, лекарства и носовые платки и запихнула ей все обратно в сумочку, в спешке сунув письмо себе в карман. Конверт приземлился по другую сторону от сумки, наверное, та дама несла его в левой руке. Вот, значит, что она решила осуществить без посторонней помощи, размышляла Мари-Франс, — опустить письмо.

Может, отнести его ей? Куда, интересно? Ее увезла “скорая” непонятно в какую больницу. Отдать сиделке в доме 33-бис? Тише, тише, девочка моя. Семь раз отмерь. Если дамочка Готье на свой страх и риск отправилась в одиночку к почтовому ящику, значит, ей было важно, чтобы письмо ни в коем случае не попало в чужие руки. Семь раз отмерь, но не десять все-таки и не двадцать, добавлял отец, а то весь пар уйдет в свист. Некоторые вот еле ворочают мозгами, аж смотреть больно, взять хотя бы дядю твоего.

Нет, сиделка не годится. Не зря же мадам Готье пустилась в свой поход без нее. Мари-Франс осмотрелась в поисках почтового ящика. Вон виднеется желтый прямоугольник, по ту сторону площади. Мари-Франс разгладила конверт на коленке. Получается, что она облечена особой миссией, она спасла этой женщине жизнь и теперь спасет ее письмо. Готье написала его, чтобы отправить по почте, разве не так? То есть ниче-

го дурного она не совершает, как раз напротив. Она бросила письмо в отсек для “пригородов”, несколько раз проверив, что речь идет именно об Ивлине, 78-м департаменте. Семь раз, Мари-Франс, а не двадцать, а то это письмо никогда никуда не уйдет. Затем она просунула пальцы под заслонку, чтобы убедиться, что конверт благополучно упал вниз. Дело сделано. Последняя выемка корреспонденции в восемнадцать часов, сегодня пятница, адресат получит его рано утром в понедельник.

День удался, девочка моя, удался на славу.

Глава 2

Собрав на совещание свою команду, комиссар Бурлен из 15-го округа в нерешительности кусал губы, сложив руки на толстом животе. Когда-то он был мужик хоть куда, вспоминали коллеги, но вдруг за пару лет заплыл жиром. Правда, авторитета он не утратил, достаточно посмотреть, с каким почтением ему внимали подчиненные. Даже когда он шумно и чуть ли не напоказ сморкался, вот как сейчас. Весенний насморк, пояснил он. Он ничем не отличается от осеннего и зимнего насморка, но в его весенности таится что-то воздушное, слегка необычное и даже жизнерадостное, скажем так.

— Надо закрывать дело, комиссар, — сказал Фейер, самый неугомонный из его лейтенантов, выразив таким образом общее мнение. — С момента смерти Алисы Готье прошло уже шесть дней. Это самоубийство, тут и думать нечего.

— Не люблю самоубийц, не оставляющих предсмертной записки.

— Тот парень с улицы Конвансьон, два месяца назад,

тоже ничего не оставил, — возразил бригадир, не уступавший комиссару в весе.

— Он был пьян в стельку, жил один, без гроша в кармане, при чем тут он. В нашем случае речь идет о женщине, ведущей упорядоченный образ жизни, преподавательнице математики на пенсии, у нее жизнь как открытая книга, и мы изучили ее вдоль и поперек. А еще мне не нравятся самоубийцы, которые утром моют голову и прыскаются духами.

— А что, — раздался чей-то голос, — умирать, так с музыкой.

— Итак, тем вечером, — продолжал комиссар, — Алиса Готье, надев костюм и надушившись, наполняет ванну, снимает туфли и садится в воду одетая, чтобы перерезать себе вены?

Бурлен взял сигарету, вернее, две сигареты, потому что ему не удавалось вытаскивать их из пачки по одной своими толстыми пальцами, и вторая так и оставалась лежать на столе. По той же причине он не пользовался зажигалкой, ему было никак не попасть в маленькое колесико, поэтому его карман оттягивал увесистый коробок спичек каминного формата. Он лично постановил, что именно в этой комнате комиссариата можно курить. От запрета на курение он впал в ярость, ведь в то же самое время на живых существ — именно что существ, всех существ на свете — выплескивали по тридцать шесть миллиардов тонн CO_2 в год. Тридцать шесть миллиардов, с расстановкой повторял он. И что, теперь нельзя затянуться даже на перроне, под открытым небом?

— Комиссар, она умирала и знала об этом, — упорствовал Фейер. — Нам ее сиделка сказала, что в про-

шлую пятницу Готье решила самостоятельно опустить письмо, вся из себя такая гордая и волевая, но ей это не удалось. В итоге, пять дней спустя она вскрыла себе вены.

— Возможно, это письмо и было ее прощальным посланием. Чем и объясняется его отсутствие у нее дома.

— А то и последней волей.

— Кому оно тогда предназначалось? — перебил комиссар, глубоко затянувшись. — Наследников у нее нет, да и сбережений в банке всего ничего. Ее нотариус не получал нового завещания, так что ее двадцать тысяч евро пойдут на охрану белых медведей. И несмотря на утерю такого важного письма, она кончает с собой, вместо того чтобы заново написать его?

— Дело в том, что к ней заходил какой-то молодой человек, — возразил Фейер. — Он появился в понедельник, потом еще раз во вторник, сосед в этом уверен. Он слышал, как тот позвонил в дверь, сказав, что пришел, как и договаривались. Обычно в это время, с семи до восьми вечера, Готье всегда дома одна. Следовательно, встречу ему назначила она сама. Она вполне могла передать ему лично свою последнюю волю, и тогда письмо уже можно было не писать.

— Неведомый молодой человек, который к тому же бесследно исчез. На похоронах были только пожилые родственники. Ни единого юноши. Так что? Куда он делся? Если они были настолько близки, что она срочно его вызвала, то он либо родственник, либо друг. В таком случае он пришел бы на похороны. Но не тут-то было, он буквально растворился в воздухе. В воздухе, напоминая, перенасыщенном углекислым газом. Кста-

ти, сосед говорит, что, позвонив в дверь, он назвал себя. Как его там?

— Ему было плохо слышно. Андре или “Деде”, он толком разобрал.

— Андре — стариковское имя. Как он определил, что это был молодой человек?

— По голосу.

— Комиссар, — вмешался другой лейтенант, — судья требует закрыть дело. На нас висит еще лицеист с ножевыми ранениями и нападение на женщину в паркинге Вожирар.

— Знаю, — сказал комиссар, хватая вторую сигарету, лежавшую рядом с пачкой. — Мы с ним вчера побеседовали. Если это можно назвать беседой. Самоубийство — и точка, закрыть дело и работать дальше, а что мы похороним улики, пусть ничтожные, но все же, затопчем их, как одуванчики, так кого это волнует.

Одуванчики, размышлял он, обездоленные слои цветочного общества, их не уважают, попирают ногами и скормливают кроликам. А вот на розы наступить почему-то никому и в голову не придет. И кроликам их не скормят. Все умолкли, не зная, чью сторону принять — нетерпеливого нового судьи или комиссара, пребывавшего в дурном расположении духа.

— Ладно, закроем дело, — вздохнул Бурлен, словно признавая физическое поражение. — При условии, что мы все же попытаемся расшифровать знак, который она нарисовала возле ванны. Он очень четкий, внятный, но что это — неизвестно. Вот вам ее прощальное послание.

— Пойди пойми его.

— Позвоню Данглару. Может, он разберется.

Хотя, подумал Бурлен, возвращаясь к той же мысли, одуванчики — цветы стойкие, а розы то и дело хворают.

— Майору Адриену Данглару? — вмешался кто-то из бригадиров. — Из угрозыска тринадцатого округа?

— Ему самому. Он знает такие вещи, которые вам и за тридцать жизней не узнать.

— Но ведь за ним, — прошептал бригадир, — стоит комиссар Адамберг.

— И что? — спросил Бурлен, величественно поднимаясь с места и упираясь кулаками в стол.

— И ничего, комиссар.

Глава 3

Адамберг взял телефон, отодвинул от себя стопку папок и, откинувшись в кресле, положил ноги на стол. Одна из его сестер умудрилась непонятно как подхватить воспаление легких, и сегодня ночью он глаз не сомкнул.

— Женщина из дома 33-бис? — спросил он. — Вскрыла вены, сидя в ванне? Зачем ты мне морочишь этим голову в девять утра? Судя по внутренним рапортам, это самое что ни на есть очевидное самоубийство. Ты сомневаешься?

Адамбергу нравился комиссар Бурлен. Любитель пожрать, выпить и покурить, с бьющей через край энергией, Бурлен жил на всю катушку, ходил по краю пропасти, был тверд как кремень и курчав, как юный барашек, и вызывал уважение своим жизнелюбием — он и в сто лет не уйдет на пенсию.

— Наш новый судья, Вермийон, в порыве служебного рвения присосался ко мне как клещ, — сказал Бурлен. — А ты знаешь, какие они, клещи эти?

— А то! Если обнаружишь родинку с ножками, значит, это клещ.